

ЮРКЕВИЧ: ПЛАТОН ИЛИ КАНТ? (К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТАФОРЫ)

В 1866 году Юркевич публикует свое сочинение «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта». Оно, в целом, завершает философский цикл его работ, подводя итог многолетним исследованиям по проблеме познания. Ниже нам еще предстоит оценить, насколько удовлетворителен этот итог, пока укажем на одно обстоятельство, существенно повлиявшее на стиль, на способ выражения авторской мысли.

Юркевич не просто доводит определенную линию рассуждения до ее логического результата (начало этому положено статьей «Идея», промелькнувшей в печати в 1859 году), он приходит к *новому* понятию об опыте, о метафизике, о значении «истинного познания» в целом. Естественно, что первая трудность, с которой должен был столкнуться философ, связана с выражением его глубокой, непривычной для других мысли. Самому создавать новое слово — не в правилах языка, остается обратиться к словам уже знакомым и, преобразуя их, достичь желанного выражения. На первый раз оно должно показаться странным, противоречивым, путаным. Правильно, ибо это есть не более, чем метафора, но и не менее.

«Когда тот или иной автор упрекает философию в использовании метафор, — говорит Ортега-и-Гассет в эссе «Две главные метафоры», — он попросту признается, что не понимает и философию и метафору. Ни один из философов не избежал подобных упреков. Метафора — незаменимое орудие разума, форма научного мышления»¹. Ортега находит, по меньшей мере, два характерных случая использования метафоры в науке, нас же будет интересовать только один из них, а именно: «Когда ученый открывает новое явление, иначе гово

¹ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. — М., 1991. — С. 21

ря, создает новое понятие и подыскивает ему имя», чтобы довести свои мысли до сведения других, то «он вынужден прибегнуть к повседневному словесному обиходу», ибо совершенно новое слово окружающим ничего не скажет. «Ради ясности он в конце концов избирает слово, по смыслу так или иначе близкое к изобретенному понятию. Тем самым термин получает новый смысловой оттенок, опираясь на прежние и не отбрасывая их. Это и есть метафора». Неметафорический перенос имени — это когда «слово просто начинает вместо одного значить другое». Так считает Ортега-и-Гассет.

Юркевичу не пришлось, подобно Платону, обращаться за помощью к повседневному словесному обиходу. За два тысячелетия в философии накопилось достаточно своих слов, чтобы составить специальную лексику, и в ней Юркевич находит выдающиеся слова: древнейшее о разуме и новейшее об опыте. В итоге — звучит торжественная речь и публикуется статья: «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта». В ней дан уникальный образец *историко-философской метафоры*, где под известными именами и поучительными словами («учениями») скрывается автор малоизвестный, однако же самобытный и талантливый, тезисно провозгласивший новое, оригинальное слово в философии. Нам остается только внимательно вслушаться в него и понять, о чем же говорит наш философ. Как остроумно заметил тот же Ортега-и-Гассет: «Если нас спрашивают: «Почему Хуан такой странный?» — мы вправе спросить: «А кто такой Хуан?» Раньше, чем обсуждать причины происходящего с Испанией, стоило бы выяснить, что же с ней, собственно, происходит».

Работа Юркевича составлена из четырех частей: вступления, учения о разуме, учения об опыте и заключения. Все они пронизаны одной мыслью, одной идеей, основные черты которой мы и попытаемся ниже изложить.

Вступление, по-существу, сводится к следующему. Два и только два основных убеждения возможны в познании. В одном случае признают возможным знание самой истины, в другом — только приобретение обшегодных, общеупотребимых сведений. Вне этого остается поле для индивидуального скептицизма, который, безвыходно вращаясь в недомыслимом круге, вынужден отрицать собственные положения. Первое убеждение связано с именем Платона, второе — с именем Канта. В этом смысле вся тысячелетняя история философии относительно вопроса о началах и сущности познания разде-

ляется на две неравные эпохи, из которых первая открывается Платоном, вторая — Кантом. Далее Юркевич совершает переход ко второй части сочинения, к изъяснению платонического учения об идеях, в котором в «образцовом для всех времен совершенстве» развит взгляд на общую и первобытную истину, заключенную в разуме.

Нетрудно сделать первый и самый общий вывод. Сквозная тема сочинения — вопрос о сущности познания. Это значит, что идея Юркевича носит характер *гносеологической*. Имена «Платон» и «Кант» Юркевич употребляет как эпонимы для определенных исходных установок: с первым именем сочетается род «истинного знания», со вторым — род «эмпирического знания» (умеренный скептицизм общечеловеческого масштаба). По всему видно, что сам Юркевич решительно берет сторону «Платона» в разыгранном споре с «Кантом», то есть его гносеологическая идея относится к тому роду познания, где стремятся не дальше и не выше, как до самой истины.

Учение о разуме. Эта часть самая темная и самая любопытная для историка философии. Здесь встречаешь столько удивительных вещей, что только диву даешься, как Юркевич, мыслитель строгий и рассудительный, смог допустить такое. Он приписал Платону все мыслимые и немыслимые совершенства, откуда невольно возникает вопрос, а чем, собственно, занимался вся последующая «тысячелетняя история философии», неужели только тем, что вторила гению?

Метафора — а мы имеем здесь дело с метафорическим стилем выражения мысли — по определению есть новый термин, в котором прежнему значению придан новый смысловой оттенок. Поэтому все то, что Юркевич безраздельно приписал Платону, внеся историческую путаницу и придав учению Платона о разуме несообразный вид, все это исходит *из него самого*, он делает это *от себя*, следовательно, во всех замечаемых нелепостях дается искомое откровение идеи Юркевича, и именно на них-то и нужно обратить пристальное внимание, разбирая учение Платона-Юркевича о разуме. Для этого мы переведем все сказанное во второй части в простую и удобную схему.

Единую сферу познания можно разделить на три резко выдающиеся области знания. Здравый смысл, опыт обозначают собою первую область. В ней передовая, главенствующая роль, бесспорно, принадлежит эмпирической науке. Вторая область связана с «метафизическим употреблением разума», поскольку разум относится к «переработке опыта, доставляющего содер-

ние знанию»². Идеи такого разума имеют значение формальное или логическое — и высшая среди них есть *идея единого, идея единства*. Как «метафизическая истина разума», идея формального единства лежит в основании эмпирических наук и делает возможным сам научный опыт. Опыт стремится исполнить, осуществить данную идею, что в итоге выражается в *единстве* эмпирического понятия, объемлющего собою сумму главных признаков вещи. Однако же, в высшем, действительном, значении разум открывается только в третьей, финальной области или в области «положительной» философии (термин наш, так как Юркевич никак специально не обозначает это высшее состояние разума, помимо того, что он есть «платоновский» разум или «разум в смысле Платона»). Только здесь идеи предстают не как что-то формальное, имеющее сугубое отношение к миру явлений, а по своему исконному содержанию, как «*откровение высшей сущности вещей*», как *истина*. «Философия ищет того особенного содержания, которым наполняется это темное место единства понятия, и только здесь идеи суть откровения высшей сущности вещей или того *содержания*, которое соответствует форме метафизической истины, — единству, неизменяемости, тождеству, общему»³. Находит же она его в «идее блага» или смысла. Идея блага есть высшая для финальной области идея. Итак, всю сферу познания можно представить следующей схемой: *наука* (эмпирическое понятие) — *метафизика* (формальная идея единства) — «*положительная философия* — (идея блага, смысл).

Не нужно быть большим знатоком истории философии, чтобы догадаться, что именно Юркевич привносит от себя в учение Платона о разуме. По схеме видно, что это, во-первых, признание самостоятельного и неотъемлемого права эмпирической науки на свою долю истины. Во-вторых, уже чисто психологически должно быть ясно, что если вы сами и впервые открываете идеи разума как «откровения высшей сущности вещей», то допустим ли тут вообще содержательный разговор о каком-то формальном, метафизическом его употреблении? Пожалуй, вы бы признали такой разум большим, несовершенным, ограниченным и попытались бы побыстрее избавиться от него, найти средство излечиться от проклятой «метафизической болезни». Поэтому метафизика как посред-

² Юркевич П. Д. Философские произведения. — М., 1990. — С. 475.

³ Там же. — С. 492.

Думи ■ 8

ствующая область в сфере познания есть плод индивидуального творчества нашего философа, искусно разыгравшего роль «Платона» на новой исторической сцене, по новому сценарию и с учетом новых фактов и идей, которые частью или в целом были неведомы древности.

Итак, общий вывод для этой части будет таков. В двух найденных позициях — эмпирической науки и метафизики — мы имеем прямое откровение идеи Юркевича. Это и есть те «добавления от себя», «новые смысловые отгетки», которыми определена природа метафоры, и которые Юркевич невольно примешивает к выдающемуся слову Платона о разуме. Значит его гносеологическая идея суть *идея метафизическая*. Она призвана дать ответ на один и только один частный вопрос: что значит формальное, метафизическое состояние разума, поскольку оно так или иначе соотносится с опытом наук и решительно отличается от «содержательного» состояния разума? По-настоящему теперь, почему для выражения этой идеи Юркевичу пришлось прибегнуть к слову Платона. Ибо помыслить второстепенный промежуточный, второстепенный характер метафизического разума без указания на его высшее и основное значение, или «разум в смысле Платона», едва ли представляется возможным. На первый раз такое строгое мышление о новом понятии может выразить себя не иначе как в форме философской метафоры, что мы и находим у Юркевича.

Подступить к метафизике возможно с двух сторон. Мы можем продвигаться к ней со стороны опыта наук, а именно: признать прочными и основательными данные наук и далее выяснять пути для перехода к формальным идеям разума, то есть решать вопрос о возможности метафизики как науки. В этом случае метафизика должна приобрести у нас значение метафизики — «той, что следует после физики» — или «науки наук». Другой путь — рассматривать метафизику со стороны «содержательной» философии как априорную предпосылку и исходный пункт для возвышения к действительным идеям разума, то есть решать вопрос о возможности перехода от идеи единства к идее блага. Юркевич исходно понимает и принимает метафизику в первом из указанных значений. Поэтому решающий для его идеи вопрос должен формулироваться точнее: как возможна метафизика в условиях развитого комплекса эмпирических наук? или как возможна метафизика как наука? Известно, что Кант в своей знаменитой «Критике чистого ра-

Юркевич» решал этот же вопрос. В третьей части сочинения Юркевич обращается к «Критике» Канта с критикой Канта.

Учение об опыте. Прежде чем изъяснять кантовский элемент метафоры Юркевича, приведем ряд общих замечаний. С политическим вопросом о возможности метафизики связано непобедимое желание *в принципе*, раз и навсегда, порешить с полблемой метафизики. Тут допустимы только два «принципиальных» ответа: либо она возможна, либо она не возможна. Вне этого простирается поле неопределенных догадок и предположений, которые, как незавершенные опыты, еще должны подождать другого автора, чтобы он их в целом завершил, все сведя к принципам. В последнем случае метафизика действительно приобрела бы относительно себя предельную ясность, и мы бы точно знали, как нам следует с нею поступить: либо признать ее право на дальнейшее существование, либо лишить ее такого права и сдать в архив. Кантовский вопрос о метафизике не имеет в виду общую возможность метафизики как таковой. Когда этот вопрос возник, сомневаться в ее возможности было бы странно, если не сказать глупо: на тот момент она уже существовала как многовековая традиция. Вопрос формулируется острее и опрашивается возможность *научной* метафизики. Он учитывает ряд новых исторических обстоятельств, прежде всего факт появления частных наук в качестве самостоятельной области сферы познания. И вот теперь необходимо выяснить: не отменяют ли частно-научные исследования, по историческому праву наследования, исследования метафизического порядка? Если да, отменяют, то метафизика как мать наук должна уступить свое место и удалиться на покой; если же нет, не отменяют, то между ними должна образоваться *новая положительная* связь, взамен отжившей — генетической. Вопрос о научной форме метафизики есть вопрос о возможной положительной связи между метафизикой и наукой. В формальном плане метафизика и наука несоизмеримы. Любая попытка положить их в формальное единство приведет к разрушению и той, и другой формы познания. Допустимо только содержательное единство, когда разум находит свой предмет ни где-нибудь, а в области опыта, и далее возвращает опыту его же собственное достояние, но выраженное в блистательной метафизической форме. Возможность плодотворного, содержательного общения метафизики с наукой — вот простой смысл кантовского вопроса. Однако, поскольку такое общение еще

только задумывается, то и вопрос должен решаться исключительно на уровне принципов или мыслимых оснований.

Общей почвой, на которой развивается наука и метафизика, является феномен сознания. В основании науки лежит форма эмпирического сознания, в основании метафизики — самосознание, разум. Положительная связь оснований означает наличие единого содержания сознания, которое проходит, светится и обнаруживает себя в каждой из форм. Для первоначального поиска единого содержания нет необходимости рассматривать науку и метафизику крупным планом. Достаточно ограничиться элементарными формами или актами, из которых синтетически складываются эти сложные феномены. Элементом научного сознания является эмпирическое понятие, элементом метафизического — идея разума. Принципиальный вопрос о возможности научной метафизики может быть последовательно сведен к следующему: существует ли связь эмпирического понятия с идеей разума?

Ранее, во второй части, при обсуждении ее мы уже натолкнулись у Юркевича на указание тесной связи понятия с идеей. *Единство* понятия — вот прямое обнаружение идеи в структуре эмпирического понятия. Следовательно, идея единства и есть искомое тождественное содержание, которое составляет необходимое основание и разума, и эмпирического сознания, которое связует и скрепляет их, полагает в единство эти несхожие во всем остальном феномены сознания. Значит вопрос, по-видимому, можно считать решенным?

Найденное и сказанное есть пока только констатация факта и предположения, на которые он провоцирует. Сколько бы ни повторяли чарующее слово «единство», имеющее столько прелести для метафизического ума, от этого оно не станет яснее. Факт единства понятия налицо, на первый раз оно представляется как чудо, а далее как факт, который ждет своего удовлетворительного изъяснения средствами специального анализа. Необходимо выяснить: действительно ли наблюдаемое единство эмпирического понятия произошло из идей разума? Действительно ли мы имеем дело с *разумным* единством чувственного материала, а не с единством, поставляемым, скажем, слепую силу воображения? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прежде изучить процесс образования понятий, распознать те агенты, которые принимают в нем активное участие.

Хорошо известно, что одним из выдающихся результатов, к которым пришел пылливый автор «Критики чистого разума», было раскрытие тайны образования опытных понятий. Этому посвящены соответствующие разделы «Критики», и именно эту ее часть Юркевич квалифицирует как «учение Канта об опыте». Основная мысль этого «учения» проста, как и все то, что дается в результате упорных трудов и испытаний: *главным винником единства эмпирических понятий следует признать рассудок, рассудочные акты в форме категорий*. Принимая во внимание этот объективный результат кантовского анализа, следует далее спросить: как соотносятся между собой рассудочное единство, мыслимое в категориях, и разумное единство, мыслимое в идеях? Как соотносится способность рассудка и способность разума, которые, на что указывает сам Кант, прорастают из единого ствола «чистой» познавательной способности, проще говоря, мышления? Для этого необходимо обратиться с анализом к процессу мышления и установить единство и связь всех его видов и элементарных форм. Итак, критический и принципиальный вопрос Канта о возможности научной метафизики последовательно сводится к проблеме единства мышления, к проблеме отношения рассудка и разума, к рассудочной критике разума или к «элементарному» вопросу: что такое категории и как они по *содержанию* связаны с идеями.

Ответ, данный Кантом, таков: категории суть прирожденные формы рассудка, идеи — прирожденные формы разума; рассудок обозначает имманентное (конститутивное) употребление мышления, разум — трансцендентное (регулятивное). Подобный ответ, как видим, отнюдь не исчерпывает вопроса о *содержательной* связи категорий и идей, более того, он лишен и намека на такую связь. В самом деле, какая связь может быть между различными *функциями* мышления, помимо общей, *формальной*?! Что может быть общего между рассудком и разумом, помимо того, что они оба суть функции одного и того же субъекта познания?! У Канта нет ответа. Он разделил всю сферу мышления на две несоизмеримые области, между которыми нет никакого перехода. И потому вся его длинная цепь рассуждений о метафизика повисла в воздухе. Он строго сформулировал задачу, довел ее до последней черты, но в итоге вывел решение, надолго озадачившее соплеменников. Итак, мы имеем дело с классическим случаем *незавершенного опыта*. Рано или поздно должен был появиться автор, который его в *принципе* завершил бы. Этим автором и стал Памфил Юркевич.

Вся третья часть анализируемой здесь речи-статьи выдержана Юркевичем в критическом духе. Он начинает с критики Канта и заканчивает ею. Свой же ответ, что всего важнее, он формулирует как бы невольно, нехотя. По несколько раз и с разных сторон он приближается к нему, но всегда с тем значением, чтобы еще и еще раз особо подчеркнуть погрешности Канта. И если подчиниться внешнему порядку слов, то мы этот ответ попросту не заметим, а если и заметим, то вряд-ли поймем. Не зная вопроса, нельзя разгадать и ответ. У Юркевича мы не найдем ясного и отчетливого представления собственного результата. Не найдем, ибо он ближайшим образом занят изложением и сравнением учения Платона и Канта, а не нарочитым изложением «учения Юркевича». Но в этом-то специально задуманном сравнении и происходит невольное, однако же желанное выражение его оригинальной идеи. Наша задача будет состоять в том, чтобы попытаться отчетливо выразить эту идею. Поэтому отрешимся от всех критических стрел в адрес Канта и хвалебных ружей в адрес Платона, сосредоточившись на ней самой. Нам важны не погрешности Канта и не величие Платона, и истинность и искренность идеи Юркевича.

Коротко, опять же метафорически, идея Юркевича состоит в следующем: на критический вопрос Канта только Платон, и лишь он один, может дать истинный ответ. «Истина кантова учения об опыте возможна только вследствие истины платонова учения о разуме»⁴. Иными словами, «категории как носители единой, общей и неизменяемой истины разума суть платонические идеи»⁵. Одной этой фразой Юркевич решил всю кантовскую запутанную задачу о возможности метафизики как науки. Действительно, как мы помним, общей логикой рассуждения требовалось определить содержательную связь категорий и идей, рассудка и разума. У Канта они распались на две несоизмеримые области мышления, у Юркевича же они положены в тождество. А это значит, что единство эмпирических понятий действительно исходит из разума, наука действительно крепко связана с идеями метафизики, и наоборот, метафизика с наукой. Отсюда общий вывод: метафизика как наука в принципе возможна. Что и требовалось доказать.

⁴ Там же. — С. 520.

⁵ Там же. — С. 507.

Вместе с тем Юркевич утверждает больше того, что требовалось. Речь шла о простой связи рассудка с разумом, у него же указано прямое тождество. Но у Канта был свой резонанс — отсюда отличать рассудочное мышление от разумного, и в этом пункте с ним надо согласиться. Для Юркевича же их тождество представляется настолько очевидным, что он, прекрасно владеющий немецким языком, даже совершает ошибку при переводе Канта: слово «рассудок» он переводит как «разум». В чем тут дело? Решение Юркевичем проблемы метафизики только тогда приобретет значение доказанного принципа, когда вся сфера мышления, в свою очередь, соберется в непротиворечивое единство, в котором придут к согласию все его самостоятельные виды. К сожалению, Юркевич не дает сам прямой классификации мышления, но извлечь ее будет нетрудно. Он говорит: «Категории делают возможным опыт»⁶. Это значит, что идеи, будучи категориями, никак не могут быть идеями в смысле «откровения высшей сущности вещей» или быть идеями в строгом платоновском смысле, иначе опыт попросту утратил бы свое плодотворное значение. Такую позицию мы не можем приписать Юркевичу, убежденному стороннику положительных наук. В таком совершенном виде они должны предстать только в итоге познавательного процесса, в условиях «содержательной» философии. Именно здесь они становятся идеями *действительными*. Но категории не могут быть и идеями *актуальными*. В таком виде они мыслятся метафизическим разумом. Значит, *категории суть идеи потенциальные*. Они обозначают всеобщие потенции, делающие возможным разумный ход и единство познания.

Этот наш вывод находится в полном согласии с тем, что говорилось Юркевичем во второй части, как и с тем, что он говорит здесь, в части третьей. У него находим: «Категории, по-видимому, есть прирожденные формы»⁷, то есть он мыслит их как потенции. Таким образом, все виды идей можно изобразить следующей схемой: *идеи потенциальные* (категории) — *идеи актуальные* (идеи метафизики) — *идеи действительные* (идеи «содержательной» философии). В соответствии с этим способность мышления приобретает необходимый порядок и единство: рассудочное мышление тождественно потенциальному состоянию разума, метафизическое — актуально-

⁶ Там же. — С. 518.

⁷ Там же. — С. 517.

му; философское мышление в строгом смысле означает полное и действительное раскрытие разума. Эти ясные и простые классификационные схемы позволяют прийти к общему выводу о том, что решение кантовского вопроса о метафизике, найденное Юркевичем, не включает в себе внутреннего противоречия. Следовательно, это решение правильное и внутренне, логически оправдано. По-видимому, Юркевич и сам не сомневается в этом, ибо переходит от метафорического выражения своей идеи к строгому определению метафизики. Сообщить нам новое понятие о метафизике — вот основная цель разбираемого сочинения. Оно формулируется пока в нежных контурах отвлеченного понятия, отдельные признаки которого разбросаны по всему тексту; самые общие из них составили главный предмет заключительной части. Представляя эту часть, мы попытаемся достичь внятного выражение понятия, собрав в наглядное единство все отдельные замечания о метафизике.

Заключение. Юркевич говорит: «Во всех мыслящих существах... есть одна первобытная истина, есть одна первобытная метафизика, которая инстинктивно или сознательно лежит в основании возможности всякой науки»⁸. Позиция инстинктивной метафизики соответствует рассудочному мышлению. Категории рассудка заключают в себе, как идеи потенциальные, только *часть* истины. Развить, дополнить эту часть истинного содержания, от века данную нам, — в этом состоит плодотворная роль опыта. Его нельзя заменить никакими абстрактными умствованиями. Вместе с тем, научный опыт есть только *орган* познания истины и потому не способен строго помыслить собственный результат. Должна быть допущена метафизика сверхчувственного как «критика опыта»⁹, которая не ограничивается только критической функцией, а есть особое *истолкование* опыта так, чтобы для «разума был дан предмет»¹⁰. Это позиция «сознательной метафизики». Ее критика и истолкование опыта имеет целью впервые помыслить *идеи как идеи*, достичь *актуального* выражения истины, которой влечется и изнутри определен научный опыт, и где она постоянно смешивается со случайным чувственным элементом. Актуальные идеи метафизики сверхчувственного,

⁸ Там же. — С. 494.

⁹ Там же. — С. 518.

¹⁰ Там же. — С. 519.

светленного к единству, должны составить «систему рациональных принципов»¹¹. Всеобщим образом эта система раскрывается как система «элементарных наук»:

- 1) наука о нормах мышления (логика);
- 2) наука о нормах бытия (онтология);
- 3) наука о нормах деятельности (этика).

Но поскольку сами эти метафизические нормы (принципы) извлечены из опыта, то они не могут представляться чуждыми опыту, навязанными ему извне, напротив — благодаря им специальная ученость могла бы стать и высшей ученостью¹². Как видим, идея Юркевича о научной метафизике отличается определенностью, ясностью и всеми признаками сознательного убеждения. Он даже находит ближайшее исполнение этой идеи: в деятельности *университета*, где «разные отрасли специальных познаний соединяются на почве одного умственного образования как бы различные созвездия единого стройного космоса»¹³. «Душою» же этого космоса наук является «система рациональных принципов» или метафизика, а «сердцем» — добавим от себя и о чем забывает сказать наш философ, увлеченный метафизической идеей, — являются платоновские идеи и разум или философия в строгом смысле. Такова судьба всех метафор — вначале они звучат как загадочные слова, а затем — как «система рациональных принципов».

Юркевич решал ту же задачу, что и Кант. Поэтому и его идея, и его слово об идее должны были включить кантовский элемент, учесть результаты кантовского опыта, но чтобы отличить Канта-философа, изрекающего истину, от Канта-человека, у которого разума «что-то мало», ему потребовался «божественный ум» Платона, нужна была метафорическая композиция из двух взаимоисключающих учений. И на вопрос: «Юркевич — кто он: Платон или Кант?» — ответ приходит сам собой: «Юркевич, просто Юркевич».

¹¹ Там же. — С. 525.

¹² Там же. — С. 526.

¹³ Там же. — С. 494.